

10.02.93

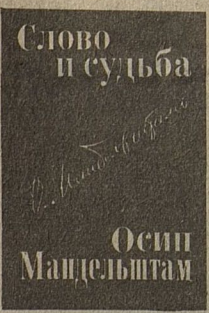
Мандельштам О.

Иск. 24 сен 94 - 1993 - 10 февр 61 - 93

Слово и судьба. Осип МАНДЕЛЬШТАМ. Исследования и материалы. М. «Наука»; Сохрани мою речь... Мандельштамовский сборник. Издательское предприятие «Обновление», М.

«Исследователи, занимающиеся творчеством того или иного поэта или прозаика, условно говоря, создают коллективный «портрет», конструируя его из осколков, поэтому в такой работе важен каждый «камушек» и каждое «зерно». Эти слова, заключающие статью одного из участников сборника «Слово и судьба», в полной мере относятся к обеим книгам. Тут, в разделах публикаций, есть чудом сохранившиеся — совершенно в буквальном смысле — осколки литературного и эпистолярного наследия Мандельштама, доносящие до нас то крик отчаяния затравленного человека, то недолгое обольщение надеждой и несокрушимую верность своему дару и признанию: «Пера я не сложу.»

Тут и дневниковые записи современников о встречах и разговорах с Мандельштамом, и другие так называемые «материалы к биографии». Среди них

хочется выделить статьи А. Е. Парниса о времени тесного контакта Мандельштама с футуристами в 1913—1916 годах и М. С. Петровского, обратившегося к истории возникновения у поэта замысла романа «Фагот». Поскольку предполагавшееся место действия романа — Киев, Петровский внимательно исследует «малороссийские» мотивы в биографии и творчестве Мандельштама, отзвуки «украинских голосов», приводит проникновенный образ из статьи поэта, свидетельствующий о целостности восприятия им отечественной жизни, истории, культуры: «Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в

один большой небывалый город, с вечным санным путем, где Крещатик выходит на Арбат и Сумская (харьковская улица. — А. Т.) на Большой проспект (в Петербурге. — А. Т.)» — строки, и радующие, и ранящие нынешнего читателя.

И еще один «малороссийский» голос слышится при чтении других исследований в сборниках. «Мир ловил меня, но не поймал» — слова Г. Сковороды. «Перед нами, — пишет В. Г. Воздвиженский в статье «Мандельштам в тридцатые годы», — редкий пример личности, не пожелавшей согласиться с враждебными людям, народу, жизни социальными обстоятельствами, не уступившей им гуманистических ценностей, погибшей, но не сдавшейся...» Удерживаясь на этой высокой позиции, Мандельштам с болью и горечью воспринимал печальную эволюцию, проделанную многими его современниками: «...Все какие-то... какие-то... поруганные», — вспоминала его слова Э. Г. Герштейн. Этому-то «поруганию» человека и человечности сопротивлялся поэт и своим поведением, и стихами, которые В. Н. Гыдов, автор статьи «Дышать не для себя...», назвал «полем мужественной борьбы с надвигающейся гибелью, преодолением страха смерти, разлада с жизнью».

Тема отстаивания поэтом своих принципов объединяет многие «камушки», из

которых составились сборники. Вот опальный, загнанный в угол Мандельштам восторженным воробьем насккивает на помпезное переиздание слабого романа влиятельного Серафимовича, которого, по едкому выражению Мандельштама, «волокут в классики». Меткие стрелы его упреков десятилетия спустя вонзаются в разбухшие «эпопеи» титулованных Героев Социалистического Труда: «Напрасно думают, что это нужно массовому читателю — рабочим и крестьянам. Сам читатель так вовсе не «полагал». За него так положили...» Он же «мнет, и ломит шапку, как мастеровой человек в день получки, в конторе кондовой русской беллетристики. Ей же нет в мире равной по тому, как она в грош не ставит читательский труд и терпенье». Вот Мандельштам, спровоцированный в Воронеже сделать доклад об акмеистах, заявляет, что не отрывается ни от живых, ни от мертвых — то есть ни от гонимой Ахматовой, ни от расстрелянного Гумилева. Из чего делается злобещий вывод, что он ничему не научился, кем был, тем и остался.

Между тем, как справедливо отмечается в эссе Г. С. Померанца «Слово-Психея», стихи зрелого Мандельштама не укладываются ни в какую программу. На всем своем дальнейшем пути он, начинавший с полемики с символистами, сам, в сущности, оказался продолжателем этого течения, еще на заре века почуявшего приближение огромных мировых потрясений. Е. Г. Эткинд, автор статьи «Осип Мандельштам — трилогия о веке», отмечает, что уже в начале 20-х годов поэт остро осознал свое сходство с весьма ценимым им Андреем

Шенье: его сближало с ним «первоначальное увлечение идеей революции и последующее отвращение к неотделимым от нее впоследствии террористическим средствам, знаменовавшим и перерождение идеи как таковой». М. Л. Гаспаров не ограничивается констатацией очевидного трагизма ряда мандельштамовских стихов 20—30-х годов, он тонко выявляет внешне кажущийся парадоксальным «исторический оптимизм» их. Для него неоднократно возникающее у поэта в те годы ночное солнце — «это не просто закатившееся, исчезающее солнце, это — солнце, продолжающее существовать, солнце, которое должно вновь взойти». Именно так, закатившись, должна возродиться, по Мандельштаму, и русская культура».

В нашей печати последние годы нередко встречаются весьма легковесные статейки о том или ином прежде запретном писателе, все содержание которых исчерпывается язвительными словами Мандельштама: «Он пострадавший... Сейчас пришел его денек! А потому жарь и валяй! Разухабистая канонизация!»

Слава Богу, это поветрие не затронуло мандельштамовские сборники.

Ревию подготовил Андрей ТУРКОВ